

УДК 94(470.5).084.6

С. В. Воробьев

«Знаете, не поладил немного с Виссарионом»: из истории политического самозванства на Урале в 1930-е гг.

В статье рассматриваются типы самозванства, имевшие место в советской действительности, анализируются мотивы их возникновения. Основное внимание уделено феномену политического самозванства, получившему широкое распространение в Советской России в послереволюционный период. Отмечается, что политическое самозванство было обусловлено желанием сконструировать «правильный» социальный образ, надеть маску благонадежного советского человека. На примере И. Т. Третьякова — политического самозванца, жившего в Перми в первой половине 1930-х гг., показаны условия и механизм создания ложной социальной идентичности, а также основные элементы конструирования героизированного образа.

Ключевые слова: политическое самозванство, социальная маска, сталинизм, И. Т. Третьяков, Украина, Пермь, ВКП(б), В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, региональная партийно-государственная номенклатура, клиента.

Самозванство можно назвать одним из типичных явлений российской истории. Бурные исторические события начиная с конца XVI в. порождали самозванцев, которые оставили о себе в анналах отечественной истории заметный след. Эта тема плодотворно разрабатывалась как российскими дореволюционными историками, так и советскими. Н. Я. Эйдельман отмечал, что самозванство — это специфическое российское явление, «в других странах это редкие исключения». Он выделяет в русской истории XVI—XIX вв. «три мощные волны самозванчества: царевич Дмитрий, Петр III и Константин (не говоря уже о нескольких самозванцах, именовавших себя именами других царей)» [25, с. 34].

Как ни странно, тема самозванства во времена революций 1917 г., Гражданской войны и в советский период не стала популярной среди отечественных исследователей, хотя советская эпоха не стала исключением и продолжила российскую традицию. Уже в первые два десятилетия в ней обнаруживаются многочисленные самозванные персонажи. Это явление нашло яркое отражение в литературных произведениях 1920—1930-х гг. (И. Л. Кремлёв-Свэн, И. Ильф и Е. Петров) [8, 17]. В ряду современных российских историков, занимающихся самозванством XX века, можно выделить В. В. Алексева, М. Ю. Нечаеву, Г. Н. Шумкина [2, 10]. Их исследования, опирающиеся на широкую архивную базу, посвящены многочисленным претендентам на роль чудесно спасшихся членов семьи последнего российского императора Николая II. Свидетельствуя о масштабах самозванства, В. В. Алексеев говорит «о 18 самозванцах, обретавшихся на Урале в 1922—1952 гг. Здесь “обнаружились” “царь”, “царица”, “царевич Алексей”, “князь Михаил”, “княжны Анастасия, Мария, Ольга, Татьяна” и некий “Гриша не простого рода”. Наибольший размах самозванство получило на женском поприще. По некоторым подсчетам, фигурировало более 200 “русских царевен”. Особой популярностью пользовалась “Анастасия”» [10]. Среди зарубежных специалистов можно отметить Ш. Фицпатрик, которая дала блестящий анализ самозванства сталинской эпохи [20]. В основном же проблематикой советского самозванства как феномена повседневной жизни в его различных видах и ипостасях (от членов императорской фамилии до брата наркома и Анки-пулеметчицы) занимаются писатели и журналисты (Л. А. Юзефович, О. Герчиков, В. Ерофеев, С. Нехамкин, А. Муравлев) [3, 4, 11, 12, 13, 26].

Чем же было вызвано самозванство в советский период нашей истории? В послереволюционную эпоху в Советской России шли интенсивные процессы социальной

© Воробьев С. В., 2015

мобильности, вызванные революционными потрясениями 1917 года. Миллионы людей старались включиться, встроиться в новую социальную структуру, соответствовать официальному образу советского человека. Многим, особенно тем, кто имел «неудачное» социальное происхождение, приходилось переосмысливать свое прошлое и планировать будущее в соответствии с советскими реалиями. В связи с этим в обществе массовый характер приобретает практика пересотворения себя, создания своего нового, «правильного» образа. Для такой социальной мимикрии людям приходилось прибегать к редактированию своей биографии в таком ключе, чтобы она не вступала в конфликт с идеологическими установками советского политического режима и не несла угрозу ее обладателю. В таких условиях «общество, где значительное число граждан активно занято перевоплощением, рискует превратиться в общество, где широко распространено самозванство» [20, с. 29].

По мнению американского историка Ш. Фицпатрик, для этого периода советской истории можно выделить два типа самозванства. Первый — политическое самозванство, связанное с попыткой ««обмануть партию», ввести ее в заблуждение относительно своего истинного социального или политического лица, стремление скрыть от властей свою истинную идентичность» [20, с. 30], заменив ее ложной. Второй тип самозванства — криминальный — означал, что «человек притворялся кем-то другим в корыстных целях» [20, с. 31], то есть являлся мошенником, аферистом. Следует отметить, однако, что далеко не всегда эти два типа самозванства существовали в чистом виде, иногда они пересекались и дополняли друг друга в лице одного человека. Политическое самозванство не преследовало криминальных целей. По крайней мере, это не являлось для него приоритетным мотивом. Однако человеку, ставшему на путь политического самозванства, для конструирования и легализации своей ложной идентичности приходилось прибегать к криминальным методам. В результате политическое самозванство зачастую шло рука об руку с мошенничеством и другими уголовно наказуемыми деяниями. В свою очередь, криминальное самозванство надевало на себя политическую маску. Как писали И. Ильф и Е. Петров в своем бессмертном романе: «По всей стране, вымогая и клянча, передвигаются фальшивые внуки Карла Маркса, несуществующие племянники Фридриха Энгельса, братья Луначарского, кузины Клары Цеткин или на худой конец потомки знаменитого анархиста князя Кропоткина» [8, с. 321].

В советской системе принадлежность к власти или какой-либо привилегированной социальной группе давала преференции в доступе к дефицитным ресурсам (продовольствию, промышленным товарам, финансовым средствам). Поэтому реальные последователи литературного Остапа Бендера начала 1930-х гг. для достижения своих целей, с одной стороны, придерживались той же тактики социальной мимикрии, которую виртуозно использовал сын «турецко-подданного». Однако в отличие от него они были не благородными жуликами с налетом романтизма, а циничными и прагматичными искателями лучшей жизни в новой советской действительности. Для них было характерно использование своего криминального таланта не только для извлечения материальных выгод, реализации своих меркантильных интересов, но и для занятия удобных и надежных социальных позиций, получения выгодного социального статуса, которые в конечном итоге и обеспечивали доступ к материальным благам. Чуткое понимание социальной политики советской власти и политических тенденций 1930-х гг. подталкивало их к встраиванию в советскую систему. В отличие от Остапа Бендера, который сторонился власть предержащих, они, наоборот, охотно шли на контакты с представителями власти, вступали с ними в патрон-клиентские отношения, извлекая из них выгоду. К слову сказать, и сам герой И. Ильфа и Е. Петрова в конце концов порвал с романтизмом, сказав в финале романа:

«Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы» [8, с. 620].

Но и в том и другом случае комбинатору-проходимцу требовалось надевать на себя социальную маску, конструировать новый социальный образ, подходящий к новым жизненным обстоятельствам. Необходимо было создавать «правильную» идентичность в согласии с коммунистической идеологией. В решении этой проблемы существенно помогали неформальные связи с представителями власти, опирающиеся на взаимный интерес. В этом случае можно было не опасаться за возможное разоблачение сконструированной биографии. Зачастую патронов из среды советских чиновников мало интересовала правдивость их биографий, здесь они могли позволить себе завидную политическую и идеологическую слепоту. Их привлекали в первую очередь специфические способности бендеров, которые могли принести им практическую пользу в качестве клиентов. При форс-мажорных обстоятельствах должностные лица могли прикрыть своих клиентов, используя административный ресурс, так как «круговая порука на местном уровне была практически основным *modus operandi* в политике сталинской эпохи» [20, с. 213]. При определенных условиях эти люди с сомнительным прошлым могли устроиться при поддержке своих покровителей на привлекательные, «хлебные» должности в советских и хозяйственных учреждениях, то есть сделать удачную карьеру.

Проблема проникновения в партийные ряды, в состав советских и хозяйственных учреждений значительного количества социально чуждых элементов, «бывших людей» вызывала у советского руководства серьезную озабоченность. Подобные опасения возникали не на пустом месте, они имели под собой реальные основания. В результате социальных пертурбаций, вызванных массовой коллективизацией и начавшейся индустриализацией, представители «умирающих классов», как отмечал И. В. Сталин, оказались «вышибленными из колеи, и, разбросавшись по лицу всего СССР, эти бывшие люди расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом — по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску “рабочих” и “крестьян”, причем кое-кто из них пролез даже в партию» [18, с. 207].

В связи с этим на протяжении 1920—1930-х гг. периодически проводились кампании по чистке партийных, советских и хозяйственных органов. На рассматриваемый период пришлось очередное такое партийное мероприятие. С 1 июня 1933 г. до конца 1934 г. проходил основной этап очередной «генеральной чистки» ВКП(б), которая была затем продлена до мая 1935 года. В ходе чистки Уральской областной партийной организации выяснилось, что «значительная часть партийных ячеек серьезно засорена классово чуждыми и враждебными элементами, буржуазными перерожденцами, двурушниками, оппортунистами, жуликами с партбилетами. Такие ячейки не способны бороться за генеральную линию партии» [22, л. 75 об.].

Для 1920—1930-х гг. характерна широкая практика формирования патрон-клиентских сетей на всех уровнях советской партийно-государственной системы власти — от высшего руководства до региональных и местных функционеров. Это вело к установлению отношений верности и круговой поруки внутри подобных «семейств». Как отмечает Ш. Фицпатрик, «среди советской политической элиты патронажные отношения встречались на каждом шагу... местные и центральные лидеры культивировали и поддерживали собственные клиентские сети» [20, с. 210].

Клиентская сеть, создаваемая, как правило, партийным руководителем, включала в себя руководящих работников партийных, советских и хозяйственных органов и учреждений, промышленных предприятий, торгово-бытовых организаций, а также рядовых

сотрудников этих структур и различных социальных маргиналов авантюрного склада, часто являвшихся проходимцами и самозванцами. Среди последних можно выделить два типа людей подобного сорта. Первый — типаж Остапа Бендера: умный, инициативный жулик с коммерческой жилкой, второй — Хлестаков: хитрый, но безынициативный, полностью зависимый, бесшабашный, без внутреннего стержня. Последний ценился патронами в меньшей степени и использовался для выполнения не самых ответственных, несложных поручений.

Подобная система клиентелистских отношений в начале 1930-х гг. сложилась в Перми. Эта система сформировалась вокруг ответственного секретаря Пермского горкома ВКП(б) Ивана Николаевича Корсунова, назначенного на эту должность в 1931 г. с Украины, и была довольно разветвленной. В нее входили партийные руководящие работники города, представители руководства Пермского горсовета, директора предприятий, руководители хозяйственных организаций и их подчиненные. В среде городского руководства процветали коррупция, вымогательство, поборы с хозяйственных и торговых организаций, хищения государственных средств. Эти злоупотребления приобрели систематический характер, стали неотъемлемой частью существования местной номенклатуры (см. подробнее: [9, с. 76—88]). Представители пермского руководства были далеки от личного аскетизма в быту, они стремились создать для себя атмосферу материального комфорта, сытой и безбедной жизни, в то время когда остальная часть населения жила впроголодь, существуя в условиях карточной системы распределения. Жизненную позицию местной элиты откровенно и цинично сформулировал член команды Корсунова, председатель Пермского горсовета Т. И. Гайдук: «Я нигде так бедственно не жил, как в Перми, и не буду жить!» [9, с. 76, 82].

Колоритным представителем местной клиентелы, воплотившим в себе черты Остапа Бендера, но в большей степени гоголевского Хлестакова, был некто Иван Тимофеевич Третьяков, работавший на заводе № 10 им. Дзержинского техническим инспектором завода по технике безопасности [15, л. 45 об.]. Он презентовал себя как героическую личность, назывался «старым подпольщиком-коммунистом, заслуженным партизаном, бывшим командиром, героем Гражданской войны, имеющим 3 ордена Красного Знамени» [14, л. 112]. Свой мужественный образ, овеянный революционной романтикой, достойный пера, описывающего похождения О. Бендера или Хлестакова, он при любой возможности транслировал окружающим.

В ярких красках он описывал свое славное революционное прошлое, свои революционные заслуги перед советской властью. Согласно автобиографии, Третьяков родился в 1889 г. в Горловке. С юных лет вел активную революционную деятельность на Донбассе, начиная с 1908 г. подвергался арестам, несколько раз сидел в тюрьме. Первый раз схвачен полицией, когда на заводе в Юзовке разбрасывал прокламации, и был осужден на шесть месяцев тюрьмы [15, л. 164]. Временами его революционная деятельность приобретала радикальные формы, выливаясь в террористические акты против представителей власти: «В 1912 г. мной были убиты пристав Григорьев и урядник Н. Сишко в местечке Веровка. <...> За убийство 13 человек провокаторов и организацию забастовки выехал в город Екатеринославль» [15, л. 164]. Участие Третьякова в революционной борьбе не было случайным. По его словам, он был выходцем из рабочей семьи с крепкими революционными традициями. Один из его братьев являлся большевиком с 1902 г., три других брата были анархистами-террористами, двух из них «повесили в городе Хечивани в 1908 году» [15, л. 164].

Очень часто в дореволюционный период нашему герою приходилось быть на нелегальном положении, жить под чужими фамилиями. В 1909 г. он устроился на работу на

завод в г. Алчевске под фамилией Макаревич. «В 1912 г. в Щитово взяли банк, после чего был заподозрен я, переменял фамилию на Кира Демьянович Швейченко», а в 1913 г. в Екатеринославле И. Т. Третьяков, по его словам, «поступил в горную школу под фамилией Иванова» [15, л. 164].

По данным автобиографии, в 1915 г. И. Т. Третьяков за организацию забастовки в паровозостроительных мастерских был арестован и отсидел в Екатеринославской тюрьме более года. В 1916 г. в Енакиеве он вступает в ряды партии большевиков [15, л. 164].

Революция 1917 г. застаёт Третьякова на Украине, и он сразу же активно включается в борьбу за утверждение советской власти: «...обезоруживал жандармерию и расстреливал по Екатерининской жел[езной] дороге», но «эсеры и меньшевики... запротестовали и обезоружили меня» [15, л. 164—164 об.]. В том же 1917 г. Третьяков, по его словам, занимал должность председателя ревкома в Дебальцево [15, л. 164 об.].

С началом Гражданской войны Третьяков участвует в партизанском движении. В августе 1917 г. под Дебальцево организовал партизанский отряд численностью 829 человек, с которым воевал против генерала Чуднецова, затем против Краснова, еще позднее — Деникина и Врангеля. В 1918 г. назначен командиром 5-го особого полка им. Третьякова [15, л. 164 об.]. С конца 1918 г. он уже в рядах Красной Армии, его военная карьера идет в гору. В марте 1919 г. он «назначен на царицынский фронт командиром 42 дивизии», вел совместные боевые действия с Будённым и Ворошиловым [15, л. 164 об.]. В 1920 г. участвовал в боях за Крым, брал Перекоп. Затем переброшен на польский фронт комиссаром 13-й армии РККА. Потом были Кавказ и Монголия. Демобилизовался Третьяков из Красной Армии в 1922 году [15, л. 164 об.].

Будучи на фронтах Гражданской войны, «помимо того, что он совершил лично сам [со] своими частями несколько подвигов, разбил также много частей противника, он также сумел вывезти и спасти очень много золота, которое передал правительству» [14, л. 112]. Несмотря на фантастичность излагаемых фактов, слушатели ему верили. По всей видимости, Третьяков обладал даром интересного рассказчика, привлекал публику, умел ее очаровать. Районный военный комиссар Гелюфеев тоже сначала поверил Третьякову, объясняя это тем, что «есть же у нас в Союзе такие люди» [14, л. 112]. Такую уверенность в окружающих поддерживал и сам Третьяков, заявляя: «Ведь таких, как я, нас во всем СССР только 3 человека» [14, л. 114]. Чтобы у слушателей не возникало недоумения по поводу несоответствия между создаваемым героическим образом и тем реальным человеком, которого они видели перед собой, Третьяков объяснял это влиянием тяжелых жизненных обстоятельств: «Конечно, тогда я был не такой, как теперь, теперь не осталось и 80% от прежнего Третьякова. Зверь я был в те времена, а не человек» [14, л. 114].

В то же время И. Т. Третьяков рассказывал о себе такие вещи, которые входили в диссонанс с создаваемым им образом заслуженного члена партии, который должен служить примером моральной порядочности, образцом для подражания всем остальным. Он, не стесняясь, повествовал слушателям о своих амурных похождениях, когда «он брал к себе на дом артисток театра, раздевал их донага, обливал духами, потому что от них пахнет потом, а потом употреблял, что он в лес увозил девочек, с которыми поступал так же» [14, л. 112]. Такое аморальное поведение, сексуальная распущенность больше подходили для нэпмана 1920-х гг., беспечного прожигателя жизни из мелкобуржуазной среды, чем для пламенного революционера и героя Гражданской войны.

Значительную часть создаваемого Третьяковым образа составляют рассказы о его личных, товарищеских взаимоотношениях с высокопоставленными советскими политическими фигурами. В автобиографии Третьяков указывал: «Знают меня товарищи Чу-

барь, Петровский, Молотов, Ворошилов, Магидов, Межлаук и др., в старое время и по сегодняшний день» [15, л. 166].

Знакомство с В. М. Молотовым, по словам И. Т. Третьякова, произошло во время Гражданской войны на Украине («моя должность в то время — командарм 13»), когда он был вызван в ЦК КП(б)У по поводу расстрела им эшелона с отступающими коммунистами для дачи объяснений¹. «Подходит ко мне тов. Молотов и резко говорит: “Кто тебе, Третьяков, дал право расстреливать коммунистов?”. Я и на этот вопрос промолчал, только размахнулся и ударил Молотова по щеке. Он упал, все вскочили, раздались голова: “Требуем высшей меры наказания”. Молотов встал, держась за щеку, и только тогда я смог заставить себя крикнуть Молотову: “А кто тебе, т. Молотов, дал право защищать коммунистов, организованно предающих революцию!”. Тов. Молотов, всё ещё держась за щеку, подошел ко мне, подумал и хлопнул меня по плечу и сказал: “Да, ты прав”. С тех пор мы с ним — лучшие друзья» [14, л. 115]. Как тут не вспомнить известное хлестаковское: «Я с Пушкиным на дружеской ноге»!

Боевым соратником Третьякова был и другой известный советский военный и политический деятель — К. Е. Ворошилов. По словам Третьякова, тесные дружеские связи между ним и этими членами советского руководства сохранились до настоящего времени. Иногда они встречаются, совместно проводят время. Вместе с К. Е. Ворошиловым Третьяков отдыхал на курорте, где они хорошо выпивали и однажды напились «в доску». «Ворошилов говорит мне: “Давай еще пить”. Я ему говорю: “Если ты, Климка, пройдешь по одной доске, то будешь пить, а если не пройдешь, то буду пить я один”. Он пошел и свалился с доски, а я прошел» [14, л. 112].

Стремясь показать, что пользуется уважением и авторитетом со стороны высокопоставленных друзей, Третьяков рассказывал, что когда бывает в Москве, то его принимают как дорогого гостя. Несколько дней жил в квартире у Ворошилова, «где мы с ним выпивали, он даже в честь моего приезда не ходил в Наркомат»². Об их встрече узнал Молотов и обиделся, что они ему не сообщили, а затем спросил у Третьякова, почему он не заходит к нему. «И потом я несколько дней пробыл у Молотова и уехал на курорт» [14, л. 112]. «Я почти каждый год бываю у него на квартире как желанный гость» [14, л. 115]. Кроме того, они оказывают своему старому боевому товарищу материальную помощь. «Лично от Молотова и Ворошилова он получает денежные переводы и посылки» [14, л. 112].

Со стремлением Третьякова позиционировать себя как человека, вхожего в высшие слои советской политической элиты, способного общаться с ее представителями на равных и даже позволять себе фамильярность в их отношении, связано его сообщение о встрече с Молотовым во время приезда последнего в Пермь в 1932 г. и посещения им завода № 10, на котором работал Третьяков. Когда Молотов пришел в цех, Третьяков его увидел и радостно закричал: «А, здорово п... [нецензурное выражение. — С. В.] курноса!». Начальник ГПУ, сопровождавший Молотова, подбежал к нему с револьвером, «но Молотов увидал меня, остановил его, подошел ко мне и расцеловался со мной» [14, л. 112]. После этого рабочие между собой говорили: «“Вот тебе и Третьяков, Молотов-то его обнял даже. Наверное, родичи какие-нибудь с ним”. Я слушал и помалкивал» [14, л. 115].

¹ В. М. Молотов действительно в период 1920—1921 гг. работал на Украине, являлся секретарем Донецкого губкома КП(б)У, а затем секретарем ЦК КП(б)У (см.: [23, с. 303]).

² Постоянное упоминание совместных пьянок, по-видимому, должно было свидетельствовать о наличии близких, особо доверительных отношений.

Третьяков чувствовал себя достаточно вольготно и безопасно, так как находился под покровительством пермских руководящих работников. У военного комиссара Гелюфеева «сложилось такое мнение, что многие не хотят с ним связываться и боятся его» [14, л. 113]. Думается, что рассказы Третьякова о его близкой дружбе с высшими советскими руководителями также служили своего рода защитным барьером от скептиков и возможных недоброжелателей, держали их на дистанции от его персоны. И такая тактика себя оправдывала. Ведь вероятную ложь Третьякова легко можно было разоблачить. Достаточно было потребовать у него предъявить наградные удостоверения, и правда вышла бы наружу. Но никто этого не сделал или побоялся сделать.

У Третьякова имелись тесные контакты с руководящими работниками Пермского горкома ВКП(б) и горсовета, он состоял в хороших личных отношениях с секретарем лечебной комиссии Пермского горкома ВКП(б) И. И. Тимофеевым. По словам военного комиссара Гелюфеева, он видел Третьякова, «ездящим на автомобиле горкома с Тимофеевым <...> они поехали за город. Предварительно заехали в магазин партактива, наверное, за выпивкой» [14, л. 113]. Когда Гелюфеев попросил одного из руководителей Пермского горкома А. И. Старкова разобраться с личностью Третьякова, то тот никаких мер не принял, вместо этого попросил Гелюфеева «выяснить подробнее о Третьякове и потом написать в горком» [14, л. 112]¹.

Третьяков постоянно пользовался партийной столовой и закрытым магазином партактива, в который имел свободный доступ и в котором любил, сидя за кружкой пива, рассказывать посетителям магазина и служащим о своих подвигах на фронтах Гражданской войны². Допуск к закрытым благам, предназначенным только для партийных функционеров, маркировал его особый статус, принадлежность к привилегированной социальной группе, приближенность к местной политической элите.

Но за эту привилегию и за покровительство необходимо было расплачиваться, оказывая разные услуги своим патронам из властных инстанций, выполнять их поручения. Такого рода поручение получил и Третьяков во время выдвижения на заводском партийном собрании кандидатов в члены Пермского горкома партии. Перед заседанием к нему подошли руководитель Пермского горкома ВКП(б) И. Н. Корсунов и секретарь заводского парткома Бабкин, которые дали ему указание выступить на собрании и провалить неудобного им кандидата Ежелева, бывшего члена районной комиссии по чистке. Третьяков должен был обвинить его в том, что он «имеет наклонности к оппозиции, любит подсиживать, любит склоку и так далее» [14, л. 114]. Однако Третьяков провалился со своим выступлением, так как рабочие-коммунисты стали требовать фактов, а их не было. Видя, что интрига не удалась, Корсунов и Бабкин дали ему команду «отставить», кандидатура Ежелева была проведена, а Третьяков оказался в неловком положении и через некоторое время вынужден был извиниться перед Ежелевым [14, л. 111, 114].

В образе, создаваемом Третьяковым, четко проявляются черты aberrации, то есть наблюдается отклонение конструируемого образа от истинной сущности его носителя. Так, если в реальной жизни Третьяков являлся фигурой зависимой, подчиненной, безропотным исполнителем указаний своих могущественных покровителей, то в своем героизированном образе он представал в качестве вершителя судеб местных партийных и советских руководителей, которых он держит в страхе, заявляя: «Если я захочу, напишу письмо в Москву и любой работник, начиная с Корсунова, полетит со своего места, пусть только

¹ Возможно, здесь А. И. Старков несколько лукавил. Он вполне мог знать И. Т. Третьякова, так как до этого работал заведующим орготделом парткома завода № 10 им. Ф. Э. Дзержинского, а затем секретарем ячейки ВКП(б) механического цеха № 1 (см.: [19]).

² Здесь следует напомнить, что в это время в СССР действовала карточная система нормированного распределения продовольственных и промышленных товаров, которая была отменена в декабре 1934 г.

меня кто оскорбит» [14, л. 113]. Себя он позиционировал как человека независимого, не участвующего во властных интригах, стоящего над схваткой: «По приезде в Пермь я сразу занял такую позицию — ссорьтесь, деритесь, но меня не трогайте, оставьте в покое, а то плохо будет. Ну, меня и не трогают, а я со стороны смотрю на них» [14, л. 115].

Третьяков пытался заработать авторитет, изображая из себя человека самодостаточного, независимых суждений, имеющего собственную жизненную позицию и способного прямо и решительно высказать свое несогласие по поводу проводимой в Советском Союзе политики самому главному человеку в государстве. Когда представитель областной комиссии партийного контроля Е. Шпехт, прибывший в Пермь для расследования ситуации с Ежелевым, в ходе беседы спросил Третьякова, почему он выбрал для проживания Пермь, то получил ответ: «Знаете, не поладил немного с Виссарионычем»¹. А затем пояснил причину разногласий: «В 1930 году погорячился, ну взял да и написал Виссарионычу письмо, что у тебя самого голова закружилась², а ты сваливаешь всё на низы. Ну, потом я понял, что хватил лишку» [14, л. 115]. Таким образом, получалось, что Третьяков из-за своей принципиальной позиции попал в опалу и был вынужден уехать в провинцию.

Тучи стали сгущаться над Третьяковым в 1935 году. Его уже некому было прикрывать, так как покровители к этому времени потеряли власть. В результате громкого скандала вокруг Пермской городской лечебной комиссии, начавшегося с заметки «Бери, сколько хочешь, только молчи», опубликованной 12 сентября 1934 г. в газете «Правда», вскрылись вопиющие факты разложения пермской руководящей верхушки. По результатам проведенного партийного расследования И. Н. Корсунов был снят с должности секретаря Пермского горкома ВКП(б) и отправлен в распоряжение ЦК партии. Большинство других членов группы также было снято со своих постов, некоторые попали под следствие, были осуждены и приговорены к различным срокам заключения. В июне 1935 г. И. Т. Третьяков был арестован после того, как «в Пермский сектор НКВД поступили данные о том, что Третьяков Иван Тимофеевич занимается к[онтр]-р[еволюционной] пропагандой и имеет поддельные документы» [15, л. 94]. В ходе следствия и вскрылась вся правда о «героической» личности И. Т. Третьякова. Оказалось, что он далеко не тот, за кого себя выдает.

Кем же в действительности являлся И. Т. Третьяков, что это был за человек, насколько можно доверять поведенной им биографии? Определить, что в ней правда, а что вымысел, во многом, но не окончательно позволяют материалы следственного дела.

Был ли Третьяков героем Гражданской войны, заслуженным орденосцем, как он себя представлял? Первым, кто скептически отнёсся к правдивости рассказов Третьякова, был районный военный комиссар Гелюфеев. В отношении личности И. Т. Третьякова он выражается прямо и однозначно, называя его аферистом, проходимцем и вымогателем [14, л. 113]. Усомнившись в свидетельствах Третьякова, он провел свое расследование, поднял документы и нашел расхождения между рассказами Третьякова и теми данными, которые содержались в найденных документах (заявление в комиссию партизан и автобиография). Из них следовало, что до революции 1917 г. Третьяков был не большевиком, а анархистом-террористом. В годы Гражданской войны служил в Красной Армии, но «насчет командарма» в имеющихся материалах Гелюфеев «ничего не нашел» [14, л. 112]. Подозрения Гелюфеева в отношении личности Третьякова нашли свое подтверждение позднее в ходе следствия. Выяснилось, что для создания образа героя Гражданской

¹ Имеется в виду Генеральный секретарь ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин.

² Речь идет о статье И. В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», опубликованной в газете «Правда» 2 марта 1930 г.

войны Третьяков прибегал к фальсификации официальных документов. Как следует из обвинительного заключения, с целью подтверждения своих боевых заслуг он «сделал исправление в учетно-воинском билете» [15, л. 95].

Из материалов следственного дела можно сделать вывод, что Третьяков, по всей видимости, действительно принимал какое-то участие в партизанском движении и служил в рядах Красной Армии, но высоких командных должностей, в том числе командира отдельного полка своего имени, а тем более командарма (в другой своей версии — комиссара) 13-й армии РККА никогда не занимал¹ и выдающихся героических подвигов не совершал. На допросе он признался, что организованный с его участием партизанский отряд состоял «не из 829 человек, а было человек 46, из которых половина в последующем разбежалась» [15, л. 43 об.]. Командные должности, которые занимал Третьяков, если верить его словам, — это командир роты в Красной гвардии в 1917 г. и политрук роты связи в 42-й дивизии 13-й армии в 1918—1919 гг. на царицынском фронте [15, л. 44 об.]. Из рядов Красной Армии он был демобилизован не в 1922 г., а в начале 1920 г. и сразу же вернулся на ст. Дебальцево (Донбасс) [15, л. 44 об.].

Сведения о награждении Третьякова тремя орденами Красного Знамени являются однозначно недостоверными. В «Сборнике лиц, награжденных орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием», выпущенном в 1926 г., фамилия И. Т. Третьякова не значится [16]. Среди лиц, получивших орден Красного Знамени трижды, наш персонаж также не числится [24]. Хотя даже в ходе допроса мнимый герой продолжал утверждать, что был «награжден орденом Красного Знамени в 1919 г. Реввоенсоветом Республики за участие на фронтах Гражданской войны» [15, л. 40 об.]. Ранее в автобиографии Третьяков в ярких красках описывал обстоятельства, которые привели к получению высокой боевой награды: «На царицынском фронте... отбил 13 тысяч своих пленных, разбил 6236 чел[овек] белых... и забрал обоз белых в плен» [15, л. 165]. Но и это еще не все! Далее в автобиографии Третьяков упоминает и о втором ордене. В местечке Сугров Курской губернии «мною разбит отряд генерала Дроздова — 2436 чел., за что прошу второй орден» [15, л. 165 об.].

А что же с революционной деятельностью Третьякова? Оказалось, что в значительной степени революционные заслуги им были сильно преувеличены. В первую очередь, чтобы дореволюционный период его «борьбы» с царским режимом выглядел более убедительным и солидным, он изменил свой возраст, прибавив себе четыре года. В действительности Третьяков родился не в 1889 г., как он указывал в официальных документах, а в 1893 г., и не в Горловке, а в селе Ольховатка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии [15, л. 43]. «Факт того, что меня поймали с прокламациями, когда я их разбрасывал в котельном цехе, был, но аресту не подвергался, был малолетним», — признавался на допросе Третьяков [15, л. 43 об.]. Остальные аресты оказались также вымышленными, ни в каких царских тюрьмах Третьяков не сидел, под чужими именами подпольную работу не вел. Вымышленным оказался и эпизод о расправе над 13 провокаторами: «провокаторов я не убивал» [15, л. 43 об.]. Полным вымыслом оказалась и история с двумя повешенными братьями-анархистами. Третьяков действительно имел трех родных братьев и сестру, но все они, к счастью, были живы. Старший брат Михаил, «инвалид, красный партизан», и сестра проживали в г. Енакиеве (Донбасс) и работали на заводе им. Рыкова. Второй брат Яков, член ВКП(б), жил в г. Ржеве и был начальни-

¹ Эта информация не соответствует действительности. Командармами 13-й армии РККА последовательно являлись Кожевников И. С. (6 марта — 16 апр. 1919), Геккер А. И. (16 апр. 1919 — 18 февр. 1920), Паука И. Х. (18 февр. — 5 июня 1920), Эйдемман Р. П. (5 июня — 10 июля 1920), Уборевич И. П. (10 июля — 11 нояб. 1920) (см.: [1]). Комиссаром, а точнее начальником политотдела 13-й армий РККА с 1919 г. по ноябрь 1920 г., была известная большевичка Розалия Самойловна Землячка (Залкинд) [6].

ком авиационных мастерских. Третий брат Трифон работал в НКВД в г. Москве [15, л. 43—43 об.].

Как, когда и при каких обстоятельствах Третьяков оказался в Перми? По одной из версий, которую Третьяков озвучил в разговоре с Е. Шпехтом, переехать в Пермь он был вынужден после выражения несогласия с политикой И. В. Сталина в отношении крестьянства. Вторая версия, не такая политизированная, изложена им в автобиографии. В 1922 г. после демобилизации из РККА он был направлен для работы в ВЧК в Москву. В 1923 г. работал инструктором в ЦК профсоюза рабочих и служащих железнодорожного транспорта. В 1924 г. был назначен на руководящую должность на Екатеринбургской железной дороге [15, л. 164 об.]. В этом же году, по словам Третьякова, с ним произошла неприятная ситуация. Он получил партийное взыскание — «ЦКК ВКП(б) в [19]24 г. объявлен выговор за избиение начальника гарнизона Москвы и за драку с работниками милиции» [15, л. 13]. С 1925 г. трудился мастером по горной разработке в г. Софиевка на Украине. В 1927 г. переехал на Урал и работал в г. Свердловске. В Пермь перебрался осенью 1929 года [15, л. 165]. Таковы официальные версии Третьякова.

Истинные обстоятельства и мотивы появления Третьякова в Перми вскрылись в ходе следствия. Из следственных материалов выясняется, что период жизни после Гражданской войны был Третьяковым в автобиографии серьезно отредактирован и мистифицирован. В действительности большую часть этого времени он провел на Украине. Как признавался Третьяков на допросе, в 1920—1922 гг. он проживал в г. Дебальцево, работал монтером железнодорожной станции, а позднее был назначен заведующим паровозным ремонтом. По его словам, в этот период он занимал различные руководящие должности районного масштаба: «В 1920 году в Дебальцево я был избран членом исполнительного комитета райкома и назначен упродкомиссаром района, а вскоре — председателем Совета народного хозяйства района. В 1921 году по ликвидации Совета народного хозяйства был назначен зав. горкомхозом» [15, л. 44 об.]. Таким образом, Третьяков успел почувствовать вкус власти и все, что с этим связано. Затем его карьера идет вниз. В 1922 г. Третьяков направлен на производство по специальности. В 1923—1924 гг. трудился мастером депо в г. Львов Курской губернии. В 1924 г. возвратился на Донбасс и до 1929 г. проживал в г. Славянске, «работал мастером в депо текущего ремонта, впоследствии был переведен на средний ремонт мастером» [15, л. 45].

Отсюда, из Славянска, и начинается путь, который, в конце концов, и привел нашего персонажа в Пермь. И у этого пути был криминальный след. В 1929 г. Третьяков привлекается на Украине к суду как расхититель социалистического имущества «за систематическое хищение цветных металлов из депо с целью наживы» [15, л. 13]. Не дожидаясь решения суда, И. Т. Третьяков, прихватив партийный билет, ударился в бега, стремясь как можно дальше уехать от Украины. Как оказалось, по-своему Третьяков принял правильное решение, так как по результатам расследования он был исключен из рядов ВКП(б) и «осужден народным судом 17 участка Артемовского округа от 22/X-1929 г. на 2 года лишения свободы с поражением в правах гражданства после отбытия мер социальной защиты — сроком на 3 года» [15, л. 13].

Гонимый чувством опасности, Третьяков убежал далеко — аж до самой Сибири! Первым пунктом его остановки стал г. Иркутск. Но здесь Третьяков надолго не задержался и перебрался на Урал. Дальнейшие свои перемещения по Уралу он подробно описал на допросе: «переехал в г. Челябинск, где тоже не подыскал работы, перебрался в г. Свердловск и поступил на завод ВИЗ мастером механического цеха. Проработав около трех мес[яцев], я с ВИЗа перешел в Правление дирекции Рудметаллторга, поступил тех. руком Надеждинского завода по снабжению сырьем доменных печей. В этой должности

проработал семь дней. Работа меня не удовлетворила, я по своему желанию оставил ее и перешел в г. Свердловск в Уралруду, главным механиком рудника Самарино, проработав две недели, уволился снова по своему желанию» [15, л. 45—45 об.].

После серии переездов по Уралу Третьяков в конце 1929 г. или в начале 1930 г. окончательно осел в Перми. Это место показалось ему комфортным, привлекательным, город пришелся, что называется, по душе, почему — неизвестно, возможно, решил, что надежно замел следы. Осмотревшись, он развивает бурную деятельность по созданию героической легенды, формированию своего нового позитивного образа, «чтобы приобрести удельный вес, создать авторитет» [15, л. 46]. Первым делом Третьяков повысил свой социально-профессиональный статус — сделал себя инженером, благодаря чему устроился на завод им. Дзержинского сменным инженером, заключив договор на два года [15, л. 45 об.]. Позднее занимал должности технического контролера завода и технического инспектора по технике безопасности, хотя на самом деле все образование Третьякова ограничивалось сельской школой [15, л. 96].

Весьма кстати для конструирования нового образа пригодился предусмотрительно сохраненный партийный билет. Умело воспользовавшись сложившейся политической ситуацией в стране, Третьяков проворачивает хитроумную комбинацию. Весной 1930 г. он «написал письмо в ЦК ВКП(б) с заявлением о выходе из партии по причинам того, что партия не ценит героев и будучи не согласен со статьей тов. Сталина “Головокружение от успехов”» [15, л. 165]. После этого, войдя в роль принципиального коммуниста, он уничтожает старый партийный билет, изорвав его на клочки, и сдает в Пермский горком ВКП(б) вместе с заявлением о выходе из партии [15, л. 94]. Выждав четыре месяца, изображает раскаяние, признает свои ошибки и подает заявление о вступлении вновь в партию и принимается кандидатом в члены ВКП(б). Но тут в план Третьякова вмешиваются непредвиденные обстоятельства. 10 декабря 1932 г. ЦК ВКП(б) принимает решение о проведении очередной партийной чистки в течение 1933 г., и на время ее проведения прием в кандидаты и перевод в члены партии был прекращен. Такой ход дела Третьякова не устраивает, и как человек авантюрного склада он предпринимает активные действия. Пишет письмо с просьбой о восстановлении его в рядах партии на имя секретаря Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова, но получает отказ. Тогда он направляет аналогичное письмо К. Е. Ворошилову и, как ни удивительно, получает из Москвы положительный ответ [15, л. 165]. В результате «по решению Пермской горКК и облКК Третьяков получает новый партийный билет с восстановлением партийного стажа с 1916 года» [15, л. 13]. Это была несомненная удача ловкого комбинатора, который подкрепил свою легенду документально и заодно «удревнил» свой партийный стаж до дореволюционного, так как в действительности Третьяков вступил в партию большевиков в июле 1917 года [15, л. 23].

Окрыленный успехом, Третьяков делает следующий шаг по пути практического воплощения в жизнь своей аферы по легализации придуманной биографии. Ему удалось получить билет красного партизана, официально подтвердив свои революционные боевые заслуги. Каким образом у него это получилось? Традиционным для России способом. Будучи компанейским человеком, умевшим расположить к себе окружающих, он приглашал к себе на квартиру знакомых коммунистов, работавших с ним на заводе, для совместных пьянок. В результате его друзья-собутыльники подписали коллективное ходатайство от имени заводской партийной организации о выдаче ему партизанского билета [15, л. 13 об.].

Последним пунктом плана по созданию своей новой идентичности стало вступление Третьякова в «Общество старых большевиков». В 1934 г. у него появляется для этого формальная возможность, так как в «Общество» могли вступать члены партии, имевшие

18 лет непрерывного партийного стажа. Воспользовавшись этим, Третьяков в декабре 1934 г. подает заявление, заполняет анкету и пишет автобиографию. Анкету и автобиографию ему удастся заверить официальной печатью завода и получить подписи секретаря парткома завода, председателя завкома и директора завода [15, л. 95]. По всей видимости, Третьяков не планировал на этом останавливаться и у него были далеко идущие планы: «При обыске у Третьякова была изъята... мастичная печать [Пермского] станкостроительного завода» [15, л. 94]. Также он пытался легально получить оружие, ссылаясь на то, что в годы Гражданской войны занимал должность комиссара 13-й армии. Оружие ему было необходимо, как он объяснял, «с целью самозащиты, предохранения себя от каких-либо возможных хулиганских нападений» [15, л. 46—46 об.].

В какой степени лжекоммунист Третьяков соответствовал созданному им образу заслуженного члена партии большевиков? Может быть, под влиянием выстроенной легенды произошло перерождение личности и он начал подражать созданному образу, следовать в своих поступках выдуманной легенде и имел в Перми репутацию образцового коммуниста, ответственного и надежного работника? Сам Третьяков в сентябре 1934 г. в беседе с сотрудником областной комиссии партийного контроля Е. Шпехтом утверждал: «Все чистки партии я прошел без замечаний и взысканий, партвзысканий не имею» [14, л. 115]. Однако, как показывают документы партийных органов и материалы следственного дела, И. Т. Третьяков явно покривил душой. В пермский период своей жизни он был далеко не образцовым коммунистом. Не изменил он и прежним своим привычкам, и стилю поведения. В 1933 г. Третьякову «Пермской гор[одской] КК ВКП(б) объявлен строгий выговор за систематическую приемку бракованных деталей и бытовое и моральное разложение. В 1933 г. ячейковой комиссией по чистке переведен из членов ВКП(б) в кандидаты, но районной комиссией по чистке восстановлен в члены ВКП(б)» [15, л. 13].

Факты истинной биографии Третьякова свидетельствуют о том, что и твердым большевиком он никогда не был. До революции он симпатизировал анархистам, с 1912 по 1916 г. состоял в партии анархистов-террористов, затем с марта по июнь 1917 г. в партии социалистов-революционеров [15, л. 13]. На допросе Третьяков признавался, что, уже будучи большевиком, посещал собрания эсеров «и работой партии интересовался» [15, л. 41].

В 1920-е гг. Третьяков продолжал отклоняться от «генеральной линии» партии и был замечен в сочувствии к троцкистам. В обвинительном заключении отмечалось, что до приезда на Урал Третьяков «был тесно связан с к[онтр]-р[еволюционной] троцкистской группой и разделял контрреволюционные троцкистские взгляды троцкиста Ковалева» [15, л. 96], по поводу чего он вызывался для объяснений в местные НКВД и партком. Репутацию оппозиционера Третьяков объяснял своей легкомысленностью и пристрастием к спиртному: «Я выпивал, и под действием алкоголя у меня действительно разговоры троцкистского характера были — но не в рабочей массе и с какой-либо действительной целью, а просто, что называется, болтаю, за это вот поведение меня и обвиняли. Фактически же взглядов троцкистской оппозиции я не разделял и не разделяю вообще» [15, л. 41 об.]. Возможно, это и было правдой, но «фигу в кармане» для советской власти Третьяков все же держал. Во время обыска у него была найдена «тетрадь с записями анекдотов контрреволюционного содержания, дискредитирующих партруководство и членов Советского правительства» [15, л. 96].

Живя в Перми, самозванный герой далеко не бедствовал. Как революционеру, герою Гражданской войны и заслуженному члену партии Третьякову полагались преференции в получении материальных благ. На допросе он пытался себя обелить, выгородить, отказывался от корыстного характера своих действий, всячески отрицал этот мотив: «Злоупо-

треблять где-либо присвоенными заслугами я не злоупотреблял» [15, л. 46]. Хотя факты говорят об обратном. Наш лжегерой не стеснялся извлекать выгоду из своего приобретенного статуса и в полной мере пользовался предоставленными ему льготами. В то время как большинство советских граждан получало продовольственные и промышленные товары по карточной системе, Третьяков отоваривался в закрытом спецраспределителе, ежегодно выезжал отдохнуть на южные курорты. Да и билет красного партизана давал его обладателю и членам семьи определенные льготы, предусмотренные постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г., в том числе в плане получения жилья и оплаты санаторных и курортных услуг. Работая на заводе, Третьяков получал еще и пенсию. Но этих средств ему, видимо, не хватало, поэтому он, «прикрываясь лжегеройством, занимался вымогательством денег для личных целей у разных организаций» [15, л. 13 об.].

Следствие по делу И. Т. Третьякова длилось четыре месяца. В ходе следствия Третьяков маску героя и заслуженного партийца так до конца и не сбросил, вел себя изворотливо, признавал только те факты обмана, которые нельзя было отрицать, признав себя виновным лишь частично [15, л. 96]. Затем материалы следствия были переданы в Спецколлегию Свердловского областного суда, и 26 декабря 1935 г. на основании ст. 58-10 ч. 1, 169 ч. 2, 72 и 82 УК РСФСР он был приговорен к восьми годам лишения свободы [15, л. 136 об.]. Отбывал наказание Третьяков в системе «Дальстроя» на территории Магаданской области.

История И. Т. Третьякова — типичный пример советского политического самозванства, которое могло более или менее комфортно существовать в относительно благоприятной атмосфере первой половины 1930-х годов. Этому способствовало и то обстоятельство, что система партийного учета в этот период еще оставалась несовершенной, в учетных документах могли содержаться неточные, непроверенные данные о личности члена партии, а уровень развития средств коммуникации того времени не позволял оперативно получить о человеке нужную и достоверную информацию. Однако уже довольно скоро ситуация резко изменится. С наступлением 1937 г. в условиях ужесточения политического режима существование подобных персонажей стало сопряжено с серьезными рисками для них и их патронов, так как их деятельность могла закончиться тюремным заключением или даже расстрелом.

Вот и Третьякову было не суждено отсидеть свой срок полностью. С началом эпохи «большого террора» политические противники и социально опасные элементы уже не только исключались из партии, снимались с должностей и подвергались судебному преследованию с присуждением реальных сроков заключения. Сталинский режим начинает широко практиковать физическое устранение действительных и потенциальных противников советской власти, в том числе «окопавшихся» в самой партии. Начинаются массовые операции против «врагов народа», в жернова репрессий попадают не только известные партийные, советские деятели, военачальники, но и рядовые советские граждане. Репрессиям подлежали не только вновь разоблаченные враги, но и те, кто уже был осужден и находился в местах лишения свободы [7, л. 452]. В лагерях согласно секретному приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. планировалось расстрелять 10 тыс. человек [21, с. 315]. Под этот маховик массовых репрессий попал и И. Т. Третьяков. Тройкой УНКВД по «Дальстрою» 14 сентября 1937 г. он был осужден за «контрреволюционную деятельность» и расстрелян 25 октября 1937 года [5]. Так печально закончился жизненный путь самозваного героя сталинской эпохи¹.

Статья подготовлена по Комплексной программе УрО РАН «Урал в социальных трансформациях России XX века: специфика и идентичность исторического процесса», № 15-13-6-23.

¹ И. Т. Третьяков был посмертно реабилитирован 27 сентября 1989 г.

Список использованных источников и литературы

1. 13-я армия (РККА) [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/13-я_армия_\(Красные\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/13-я_армия_(Красные)).
2. Алексеев В. В., Нечаева М. Ю. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Ч. 1, 2. Екатеринбург ; Челябинск, 2000—2002.
3. Герчиков О. Даже в сталинскую эпоху в СССР не переводились аферисты // Аргументы и факты. 2012. № 47 (21 ноября).
4. Ерофеев В. Аферисты сталинской эпохи [Электронный ресурс]. URL: <http://историческая-самара.рф/каталог/самара-криминальная/судебные-дела/дела-по-ук-рсфср-1926-1960-годов-аферисты-сталинской-эпохи.html>.
5. За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1999. 215 с. URL: <http://www.memo.ru/memory/magadan/index.htm>.
6. Землячка Розалия Самойловна [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/88649>.
7. Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП — РКП(б) — ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб. : Питер, 2010.
8. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев; Золотой теленок : романы. М. : Худож. литература, 1992.
9. Колдушко А. А. «Я нигде так бедственно не жил, как в Перми, и не буду жить!»: быт и нравы пермской номенклатуры середины 1930-х гг. // Повседневность номенклатуры / под ред. В. П. Мохова, Н. А. Фролова : сб. ст. Пермь : Изд-во Перм. национального исследовательского ун-та, 2013.
10. Кто Вы, госпожа Чайковская? К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой / рук. проекта В. В. Алексеев, сост. Г. Н. Шумкин. 2-е изд., доп. и исправ. Екатеринбург, 2014.
11. Муравлев А. Самозванцы на Алтае. «Цесаревич» Алеша Пуцятто // Алтайская правда. 2005. № 202—204 (15 июля).
12. Муравлев А. Самозванцы на Алтае. «Царь Кирюха» и другие // Алтайская правда. 2005. № 209—211 (22 июля).
13. Нехамкин С. Петькина мать. Плуты железной эпохи // Аргументы недели. 2010. № 26 (216). 8 июля.
14. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 883.
15. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26180.
16. Сборник лиц, награжденных орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием. М., 1926. URL: <http://kdkv.narod.ru/WW1/Spis-BKZ-18T.html>.
17. Свэн И. Сын Чичерина // Библиотека журнала «Бегемот». 1926. № 21.
18. Сталин И. В. Итоги первой пятилетки: Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г. // Сочинения. М., 1951. Т. 13.
19. Старков А. И. [Электронный ресурс] // Лидеры Прикамья. URL: <http://www.politarchive.perm.ru/leaders/index.php?id=2088>.
20. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М. : РОССПЭН, 2011.
21. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2010.
22. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1.
23. Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б) : историко-биографический справочник / сост. Ю. В. Горячев. М. : Издат. дом «Парад», 2005.
24. Шляхтин А. В. Первый боевой [Электронный ресурс]. URL: <http://ashlyahtin2.narod.ru/kz.htm>.
25. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб. : Комитет Союза литераторов России, 1992.
26. Юзефович Л. А. Самые знаменитые самозванцы: Ист. очерки. М. : Олимп : Современник, 1999.

Поступила в редакцию 19.08.2015 г.

Воробьев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: svorob.hist@gmail.com

UDC 94(470.5).084.6

S. V. Vorobyev

“You know, I did not get along with Vissarionych”: from the history of political imposture in the Urals of 1930-s

The article examines the types of imposture that took place in the Soviet reality, analyzes the motives of their occurrence. The emphasis is put on the phenomenon of political imposture which became widespread in post-revolutionary Soviet Russia. It is noted that the political imposture was caused by a desire to construct a «positive» social image, to wear a mask of a trustworthy Soviet man. Based on the example of I. T. Tretyakov — a political impostor who lived in Perm in the first half of the 1930s — the author reveals the conditions and the mechanism of creating a false social identity, as well as basic elements of heroizing the image.

Key words: political imposture, social mask, Stalinism, I. T. Tretyakov, Ukraine, Perm, the CPSU(b), V. M. Molotov, K. E. Voroshilov, regional party and state nomenclature, clientele.

Vorobyev Sergey Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Senior researcher
Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 620990, Yekaterinburg, ul. S. Kovalevskoy, 16
E-mail: svorob.hist@gmail.com

References

1. *13-ya armiya (RKKA)* [13th Army (Red Army)]. (In Russ.). Available at: [http://ru.wikipedia.org/wiki/13-я_армия_\(Красные\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/13-я_армия_(Красные)).
2. Alekseyev V. V., Nechayeva M. Yu. *Voskresshiye Romanovy?.. K istorii samozvanchestva v Rossii XX veka* [Resurrected Romanovs?.. To the history of imposture in Russia of XX century]. Chap. 1, 2. Ekaterinburg; Chelyabinsk, 2000—2002.
3. Gerchikov O. Dazhe v stalinskuyu epokhu v SSSR ne perevodilis aferisty [Even the Stalin Soviet Union saw swindlers]. *Argumenty i fakty*, 2012, no 47 (21 November).
4. Erofeyev V. *Aferisty stalinskoy epokhi* [Swindlers of Stalin period]. (In Russ.). Available at: <http://историческая-самара.рф/каталог/самара-криминальная/судебные-дела/дела-по-ук-рсфср-1926-1960-годов-аферисты-сталинской-эпохи.html>.
5. *Za nami pridut korabli: Spisok rehabilitirovannykh lits, smertnyye prigovory v otnoshenii kotorykh privedeny v ispolneniye na territorii Magadanskoy oblasti* [Behind us come the ships: List of rehabilitated persons, who suffered death in the Magadan region]. Magadan, 1999. 215 p. (In Russ.). Available at: <http://www.memo.ru/memory/magadan/index.htm>.
6. *Zemlyachka Rozaliya Samoylovna* [Zemlyachka Rozalia Samoilovna]. (In Russ.). Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/88649>.
7. Izmozik V., Starikov B., Pavlov B., Rudnik S. *Podlinnaya istoriya RSDRP—RKP(b)—VKP(b). Kratkiy kurs. Bez umolchaniy i falsifikatsiy* [The True Story of RSDLP — the RCP(b) — AUCP(b). Brief Course. Without omissions and falsifications]. St. Petersburg, Piter Publ., 2010.
8. Ilf I. A., Petrov E. P. *Dvenadtsat stulyev; Zolotoy telenok: romany* [Twelve Chairs; The Golden Calf: novels]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1992.
9. Koldushko A. A. «Ya nigde tak bedstvenno ne zhil, kak v Permi, i ne budu zhit!»: byt i nrvy permskoy nomenklatury serediny 1930-kh gg. [“I haven’t lived worse than in Perm, and I will not live!”: The life and customs of the Perm nomenclature in mid 1930s.]. *Povsednevnost nomenklatury / pod red. V. P. Mokhova, N. A. Frolova : sb. st.* [Daily life nomenclature: a collection of articles, ed. by V. P. Mokhova, N. A. Frolova]. Perm, 2013.
10. *Kto Vy, gospozha Chaykovskaya? K voprosu o sudbe tsarskoy docheri Anastasii Romanovoy* [Who are you, Mrs. Tchaikovsky? On the fate of the tsar’s daughter Anastasia Romanova] / ruk. proekta V. V. Alekseev, sost. G. N. Shumkin. Ekaterinburg, 2014.
11. Muravlev A. Samozvantsy na Altaye. «Tsesarevich» Alesha Putsyato [Impostors in the Altai. “Crown Prince” Alyosha Putsyato]. *Altayskaya pravda*, 2005, no 202-204 (15 July).
12. Muravlev A. Samozvantsy na Altaye. “Tsar Kiryukha” i drugiye [Impostors in the Altai. “King Kiryukha” and others]. *Altayskaya pravda*, 2005, no 209-211 (22 July).
13. Nekhamkin S. Petkina mat. Pluty zheleznoy epokhi [Petya’s mother. Rogues of iron period]. *Argumenty nedeli*, 2010, no 26 (216). 8 July.

14. *Permskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii* (PermGANI) [Perm State Archive of Contemporary History]. F. 1. Op. 1. D. 883.
15. PermGANI. F. 643/2. Op. 1. D. 26180.
16. *Sbornik lits, nagrazhdennykh ordenami Krasnogo Znameni i pochetnym revolyutsionnym oruzhiyem* [The collection of persons awarded with Orders of the Red Banner and honorable revolutionary weapons]. Moscow, 1926. (In Russ.). Available at: <http://kdkv.narod.ru/WW1/Spis-BKZ-18T.html>.
17. Sven I. Syn Chicherina [Chicherin's son]. *Biblioteka zhurnala «Begemot»*, 1926, no 21.
18. Stalin I. V. *Itogi pervoy pyatiletki: Doklad na obyedinennom plenume TsK i TsKK VKP(b). 7 yanvarya 1933 g.* [Results of the First Five-Year Plan: Report on the joint plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the CPSU(b). January 7, 1933]. In: Compl. works. Vol. 13. Moscow, 1951.
19. Starikov A. I. *Lidery Prikamya* [Leaders of the Kama Region]. (In Russ.). Available at: <http://www.politarchive.perm.ru/leaders/index.php?id=2088>.
20. Fitspatrik Sh. *Sryvayte maski!: Identichnost i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Unmask!: Identity and imposture in Russia of XX century]. Moscow, 2011.
21. Khlevnyuk O. V. *Khozyain. Stalin i utverzhdeniye stalinskoy diktatury* [Owner. Stalin and Stalin's dictatorship]. Moscow, 2010.
22. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti* [Documentation Center of public organizations of Sverdlovsk region]. F. 4. Op. 12. D. 1.
23. *Tsentralnyy komitet KPSS, VKP(b), RKP(b), RSDRP(b): istoriko-biograficheskiy spravochnik* [The Central Committee of the CPSU, the CPSU(b), of the RCP(b), the RSDLP(b): Historical and Biographical Directory] / sost. Yu. V. Goryachev. Moscow, 2005.
24. Shlyakhtin A. V. *Pervyy boyevoy* [First combat] (In Russ.). Available at: <http://ashlyahtin2.narod.ru/kz.htm>.
25. Eydelman N. Ya. *Gran vekov. Politicheskaya borba v Rossii. Konets XVIII — nachalo XIX stoletiya* [On the Border of Centuries. Political struggle in Russia. Late XVIII — early XIX century]. St. Petersburg, 1992.
26. Yuzefovich L. A. *Samyye znamenityye samozvantsy: Ist. ocherki* [The most famous impostors: Historical Essays]. Moscow, 1999.